

Лариса Найвальт

Перевернутые страницы

Лариса Найвальт

Перевернутые страницы

«Издательские решения»

Найвалът Л.

Перевёрнутые страницы / Л. Найвалът — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687603-3

Есть события, встречи и впечатления, которые врезаются в память и отчётливо помнятся даже спустя десятилетия. В книгу вошли рассказы о замечательных людях и зарисовки природы, в которых запечатлено увиденное автором. Второе дополненное издание.

ISBN 978-5-00-687603-3

© Найвалът Л.
© Издательские решения

Содержание

КЛАДОВЫЕ ПАМЯТИ	6
ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР	8
ТРЕСКУЧИЕ МОРОЗЫ СИБИРИ	10
СРЕТЕНИЕ	12
НА ИСХОДЕ ЗИМЫ	14
НЕРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	15
ВЕСНА	17
ФОТОГРАФИЯ	19
ОТКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ	21
ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ	23
БЕЗДНА МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Перевернутые страницы

Лариса Найвальт

© Лариса Найвальт, 2025

ISBN 978-5-0068-7603-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КЛАДОВЫЕ ПАМЯТИ

Осень перевалила на вторую половину. Солнечные дни сменились пасмурными, а те, в свою очередь, уступили место не просыхающим от сырости. Уже несколько суток подряд шёл сопровождающийся пронизывающим ветром нескончаемый дождь. Так природа, добро-совестно вычищая и промывая даже труднодоступные уголки города, перед приходом зимы затеяла генеральную уборку.

В один из вечеров к обложному дождю присоединился мокрый снег. Падая пушистыми хлопьями, он оживлял картины уличного бытия, но, соприкасаясь с землёй, таял, исчезая в несущихся потоках воды.

Наутро унылая слякотность была тщательно спрятана снежным покрывалом с разбро-санными по нему радующими взор крошечными крупинками алмазов. И только съёживша-яся от холода высокая трава проглядывала тёмно-зелёными кустиками, да неуспевшие опасть листья, застывшие на морозе, порывами воздушных вихрей срываясь с ветвей и выполняя в воздухе пируэты, опускались изумрудно-янтарно-гранатовой мозаичной россыпью на свер-кающие белоснежные просторы.

А над всем земным огромное замёрзшее небо, наполненное только ему присущими крас-ками. Так, над северным краем земли оно выделялась широкой полосой фисташково-голубого цвета, приглушённого серым, которая резко граничила с пепельной, незаметно переходящей в интенсивно синюю у южной части горизонта. И на этом фоне на запад устремился поток легчайших полупрозрачных облаков в виде развевающегося нежно белого газового шарфика, летящего то волнообразно, то скручиваясь, то распластавшись.

Зимы детства... Это и сорока, запомнившаяся на снежном саване огорода, и «коло-сья пшеницы», отпечатанные гладкой подошвой обуви на нетронutom снегу, и расчищенные дорожки, окаймлённые высокими сугробами, и большие ледяные горки с вырытыми в них блиндажами или пещерками, и снежки, и ваение снежных баб или снеговиков с глазами-уголь-

ками, носами-морковками да шляпами-ведрами, и скольжение по узким отполированным полоскам льда, балансируя, чтобы не упасть, и стремительный спуск на лыжах с крутых берегов, зачастую заканчивающийся пробегом по замёрзшей реке, и хрустальные виноградины из застывших падающих с высоты друг на друга талых капель... Сокровища времени, оставшиеся в детстве.

Сохранявшееся десятилетиями непосредственное восприятие жизни, нахлынувшее воспоминаниями зимних забав и чистотой ослепляющего снега, напомнили Инге о недавней встрече с тем, кто был из далёкого прошлого.

Впервые увидев его пятилетней девочкой, она уже не могла ни взгляда своего, ни сердца отвести от красивого, воспитанного ровесника. Пока были детьми – дружили. Но уже в подростковом возрасте болью пришло осознание, что не интересуешь избранника.

Инга умела при необходимости управлять чувствами и подавлять любые свои порывы. И, хотя ей юноша очень нравился, она понимала, что надо тихо отступить.

Да только он, того не ведая, врос в душу Инги, стал неотъемлемой частью её. Она знала о нём почти всё, хотя их пути давным-давно не пересекались, а лишь иногда, едва соприкоснувшись, на какой-то миг оказывались рядом.

И вот судьба вновь подарила нежданную встречу. Они оказались за одним столом напротив друг друга.

Украдкой поглядывая на ставшего ей родным человека, сейчас измученного тяжёлыми недугами, сильно изменившими его внешность, Инга испытывала сострадание и глубокую нежность. Стоило больших усилий не осуществить искреннее желание – подойти к нему, прильнув к спине и обхватив плечи, прижать убелённую сединами, похожими на нетронутый серебристый снег, голову, молчаливо даря привязанность свою, чтобы облегчить его страдания. Ах, если бы только она могла ему чем-то помочь.

Красота и здоровье даруются нам при вхождении в земную жизнь на определённое время, которое непрерывно оттачивает данные при рождении задатки, а затем, доведя их до совершенства, оставляет кому-то на долгий, а кому-то и на короткий срок. Но, как и в годовом цикле природы, у людей наступает время осени. А она лёгким прикосновением выводит борозды на гладкой коже лица, перекрашивает натуральный цвет волос в седой, формирует выточенную фигуру в оплывшую глыбу, превращая некогда прекрасное в безликое.

Возникает ощущение, что природа, стирая тебя ластиком времени, оставляет всего один сезон жизни – зимний, он же и последний...

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Холодная погода вступила в свои права быстро и основательно ещё в ноябре. Уцелевшие листочки за одну ночь были безжалостно отлучены от ветвей порывами сильного, всё сметающего на своём пути ветра. Обнажённую природу стужа наспех спрятала под снежные хитоны.

Календарный приход зимы отмечился трескучими морозами. Деревья тёмными озябшими остовами выделялись среди бескрайнего белоснежно-серебристого царства. Воздух набрал крепость, стал плотным и звенящим. Над городом нависло равнодушно безликое небо, а медленно плывущее мертвенно белое солнце излучало льдистый свет.

Птицы, обычно кружащие в вышине, попрятались от пронизывающей насквозь стужи в укромные места. Не стало видно ни бродящих кошек, ни бездомных собак.

И только выбравшиеся в нагрянувшие морозы из тепла по крайней необходимости люди, выглядевшие неповоротливыми «матрёшками», у которых сверху по девять одежек, а суть находится в глубине самой маленькой, десятой, спешили под издаваемый при ходьбе скрип снега с лицами, окутанными густым, клубящимся паром дыхания, будто каждый из них на ходу, попыхивая, раскуривал трубку.

Рядом с одной из пешеходных дорожек на крышке канализационного люка неподвижно, как изваяние, сжавшись и вжавшись в импровизированный металлический постамент, чуть-чуть подогреваемый из недр большого подземного хозяйства города, сидел, как было по нему видно, многое переживший чёрный кот. Перед ним лежал разломанный на небольшие кусочки хлеб, заботливо разложенный сердобольным прохожим. Но тот, кому сразу смёрзнувшаяся еда предназначалась, и усами не повёл. Его раскрытые зелёные глаза, наполненные высшим смыслом и уже ни на что не реагирующие, смотрели в бесконечность. По апатичному состоянию маленького существа ощущалось, что оно находится на грани выстывания.

Жизнь каждого неповторимо уникальна. И очень хотелось верить, что пока в этом тельце, пусть едва, теплился огонёк жизнестойкости, пока он не погас, внутренняя сконцентрирован-

ность поможет несчастному, выстояв в неравной схватке с лютым морозом, выйти победителем наступившего периода естественного отбора.

ТРЕСКУЧИЕ МОРОЗЫ СИБИРИ

Зима нагрянула суровая. Лютый мороз ударил как кистенём. Казалось, здания, заборы, естественные водоёмы – всё окружающее повсеместно объединено пластичным снеговым саваном при акцентировании особенности каждого и скованно в слитное торжество стужи, пробравшееся жутким холодом и в пустоты.

Соединяясь с серостью небесной сферы, воздушный флёр полностью закрыл разделение земли и небосвода.

Вертикально клубились белым искрящимся паром дымы, исчезая в промозглой туманной мгле.

Люди, укутавшись в тёплую одежду, торопились по делам, а на дорожках, сверху накрытых уплотнённым снегом, их шаги издавали скрип. В непроницаемой крепости среды они тяжело дышали, а произнесённые слова терялись...

Школьники младших классов по распоряжению городского отдела народного образования могли не посещать занятия при минус тридцати градусах, но, если похолодание усиливалось, то это и на пятые-седьмые классы равным образом распространялось.

Бездомные животные, рыскающие в округе в поисках пропитания, где-то затаились.

Пернатые, совершая недалёкие перелёты, быстро сориентировавшись, исчезали в каких-то неизвестных убежищах.

И лишь несильный ветерок, оставаясь незамеченным, гулял среди замёрзших деревьев, продувая их.

В прошлом столетии окна повсюду вставляли с простыми стёклами, на них из-за разницы температур в отапливаемом помещении и снаружи, мороз расписывал различные весьма интересные арабески и иные бесподобные орнаменты, радовавшие всех, но особенно детишек.

Леденящий мороз держался, как правило, несколько суток, после чего происходило потепление.

Минус пятнадцать-двадцать – в наибольшей степени приятная погода. Детвора, зачастую с родителями, скользила по льду на коньках, играла в хоккей, скатывалась, кто как умел, с созданных ледяных горок, а на лыжах бежала по ровному участку, накатывая лыжню.

И когда в двадцать первом веке, говоря о Москве, слышишь о наступивших там сильных морозах до двадцати градусов, на лице прожившего свой век в Сибири, появляется улыбка.

Трескучие морозы. Когда-то в детстве от старожиллов слышали: «При очень низких температурах птицы на лету погибали, падая камнем вниз». Сейчас этого в южном регионе Западной Сибири многие и не знают. А вот уж на крайнем сибирском севере с ними знакомы наяву и сегодня.

СРЕТЕНИЕ

На рубеже с ночью утренняя прохлада бодрила. В атмосфере повисла заметная поволока, маскирующая очертания, озарённые ночными светильниками. И высветленные под фонарями похожие на крутящиеся праздничные шары, усыпанные блёстками, порхали крошечные снежинки, управляемые ветром...

Озорник ветродуй развлекался снежной пылью, меняя напор от незначительного до порывистого, и гнал, гнал растрёпанную стаю вдоль улиц и трасс, заглядывая во всевозможные расщелины, пронизывая озябшие деревья, противоборствуя идущим наперекор ему одиноким прохожим, прикрывавшим лица шарфами, воротниками или варежками.

Город оживал и оживлялся. Изредка, промелькнув на полном ходу, машины разрезали включёнными фарами леденящую темень. Дома, просыпаясь, поднимали веки, высвечивая комнаты.

Нарастающее движение расширяло своё действие на близлежащие районы какофонией звуков от рёва моторов и резкого торможения автомобилей, рассекающих студёную завесу,

специфического визга трамваев и скрежета полозьев санок по упругому насту или асфальту, когда детей в них, обмотав руку верёвкой, взрослые буквально перетаскивали от светофора поперёк шоссе. И вспоминались бурлаки, некогда с натугой тянувшие вверх по реке баржи.

И вот уже всё переливалось многочисленностью всевозможных цветовых оттенков и наполнялось разнообразным рокотом и шумом, поглощающими тишину.

Ближе к позднему вечеру устанавливалось умиротворение. Раздражающий гул затихал. В пленяющей небесной необъятности царили волшебство и безмолвие. Горели светлячки ярких звёзд. Погруженные во тьму, еле приметные распластано-растянутые облака слегка проявляли плоть только возле луны.

Некая геометрическая окружность очерчивалась ломано-кривой линией, в середине которой находилось белёсое светило с постижимо видимым характерным рисунком, а вокруг – сапфировый ореол, и далее до границ зигзагообразного очертания ребристость, созданная выхваченной переливчатостью небесного свода чередующимися по плотности широкими горизонтальными лентами в чересполосицу белоснежной и сизой.

Перед восходящей зарей, оставляя ей безбрежную лазурность, очаровывающая красота неба скрылась.

НА ИСХОДЕ ЗИМЫ

На смену молодому и задорному, переливающемуся медовым светом полумесяцу спешило солнце. Оно ещё не показалось, но уже появились первые лучи восхода. Свечение, поднимаясь по небосклону, рассеивалось, создавая картину из расположенных одна за другой разной ширины полос. Узкая тёмно-янтарная незаметно переходила в бледно-лимонную, за ней расположилась салатовая и затем закрывавшая остальную часть небесная лазурь, на фоне которой высоко парящие белоснежные облака зарёй окрасились в нежно-розовый цвет.

Оголившись под солнечным теплом днём, а за ночь подстывшие, дороги и подтаявший грязно-серый снег придавали земле холодность. Голые, устремлённые ввысь и припорошенные алмазной пылью ветви деревьев вытянулись и стояли, не колышась. Линии города чётко выделялись, хотя и маскировались за полупрозрачной завесой, созданной грациозно и медленно вальсирующими с партнёром-ветром лёгкими снежинками, красота каждой из которых была уникальна.

А вдоль трамвайной линии, поблёскивая, словно дневная обитель звёзд, лежал снег, стирающийся нетронутой целиной. И кое-где над этим белоснежным пространством возвышался редкий, не в меру высокий, отросток кустарника. Вот такой-то «оазис» и облюбовала троица симпатичных городских воробышков.

Один из приятельской компании расположился на снегу у основания прутиков-веток, второй на нижней веточке, а третий взлетел на ту, что повыше. Они вели оживлённую беседу, поочередно чирикавая, и неустанно вращали головками, поглядывая друг на друга, что очень напоминало посиделки детворы, устроившейся на брёвнышках обсуждать важные ребячьи новости.

Такие неприглядные с виду радующиеся хорошему солнечному дню маленькие и родные воробышки-говорюны, несущие своим присутствием свет жизни.

НЕРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

На исходе марта зима снегопадами, пронизывающими ветрами и непродолжительными резкими понижениями температуры ещё отчаянно боролась за право быть. Весна же уверенно овладевала отпущенным ей сроком и, тем не менее, сочувствуя предшественнице, неспешно её вытесняла, подобно проклёвывающемуся из промёрзшей глубины сильному, но в то же время и нежному, возбуждающему восхищение подснежнику.

Ещё дули холодные ветры. Снег лежал везде, но день за днём под действием приветливого тепла, проникающего в его кристаллы, подтаивал и оседал, превращаясь в смёрзнувшиеся сугробы, обледенелые глыбы и насты из пропитанного грязью месива.

Солнечные лучи, пронизывающие днём, в утренние часы пасовали перед более сильными заморозками. И в равновесии зима-весна держалось особое очарование – застывшая земля через тянущиеся ввысь ветви окоченевших деревьев составляла единое целое с озябшим небом.

Но птицы, купаясь в деннице, пели уже по-весеннему радостно, словно множество маленьких звонниц, объединившись, творили полифоническую мелодию, оповещая о скором пробуждении природы.

По стокам всё с большим напором журчала талая вода, покрывавшаяся за ночь тонкой ледяной коркой.

Воздух, насыщенный лаской яркого солнца, хрустальным отзвуком капли, чарующими трелями птиц, источал сладость чуть уловимого вешнего настоя.

Земля, ежедневно всё глубже прогреваясь и стряхивая хлад, находилась во взволнованном томлении, ожидая разрешения от бремени зимы.

Маргарита, воспринимавшая природу прекрасной в любых проявлениях и особенно любившая время перед рассветом, когда царит относительное затишье, которое скоро взорвётся оглушающим городским гулом, неторопливо шла вдоль пустынной улицы, вдыхая прохладу чуть задержавшейся тишины. Фонари на столбах неярким огнём ламп раздвигали заплывшую ночную неприглядность, изредка появлявшаяся машина, мчалась прочь, унося за собой шумовой шлейф, взрывающий дремоту города, и, единично вспыхивая, начинали просыпаться окна домов.

Маргарита, повернув за угол высокого строения, остановилась. Её взор приковала заставившая оставаться в неподвижности красочность неба.

В западной его части внушительного диаметра диск, доминирующего красновато-розового сияния с золотистым отливом, навис над горизонтом. Выразительно смотрясь на небесном фоне цвета кобальта, он, словно личико ребёнка, наклонившего голову слегка влево, с интересом созерцал нижний мир.

Мгновение!.. И, медленно удаляясь, «мордашка сорванца», уменьшалась. Блекли краски. Черты лица тускнели, вскоре вовсе исчезнув. Набирающий силу свет нового дня вытеснял редкостное, изумляющее явление вселенной, и луна полностью скрылась из обозримого пространства.

ВЕСНА

В комнату стыдливо заглянул лимонный рассвет. Струящийся детской ласковостью ветерок, напоенный мелодичным напевом природы, придавал нетривиальность наступающему дню, царственно вступающему в земное владение.

Многочисленное разнообразие певчих особей одаривало наслаждением, выводя индивидуальными голосами разнообразные экзерсисы. Так в общий хор вплетались и цвирь-цвирь, и чик-чирик, и цви-цви-цви, и воркование, и теньканье, и журавлиное курлы, и прочие прекрасные изысканные звуки.

Воздушное пространство наполнилось настоящими запахами свежескошенной травы, молодых листочков, ни с чем не сравнимым ароматом распускающихся цветов и готовыми взорваться на деревьях из почек бутонами.

Фонтанные струи, вздымаясь, а затем ниспадая, отражали искромётность солнечных лучей и, унося её с собой, гасили в чаше с водой.

А происходящее внизу созерцали разбежавшиеся по безветренной голубой выси едва зримые миниатюрные облака.

От зари до зари в тишине синевы высокой ощущалось нечто призрачное. Пристальная луна, следуя привычным маршрутом под многотысячной плеядой поблескивающих звёзд, обозревала в каком состоянии земля, готова ли она передать флажок сезона следующему из бежавших по дорожке времени года.

ФОТОГРАФИЯ

Мара перебирала залежи старых бумаг, хорошо ориентируясь в содержании просматриваемых листов, молниеносно мелькающих перед ней. В мгновение ока откинула и изображение женского лица с запоздалой мыслью: «Какая поразительная, светящаяся красота!»

Ей захотелось ещё раз взглянуть на чёрно-белую ксерокопию фотографии, привлечшей внимание.

То, что она увидела, ввело Мару в недоумение. На неё смотрела женщина очаровательной привлекательности, заключающейся в спокойной прелести одарённости, элегантно скромности и благородства, в которой Мара узнала себя... на двадцать лет моложе.

С детства ощущая присущую ей загадочность, притягивающую окружающих, и легко сходясь с людьми, а отдать стараясь больше, чем получить, она, независимая, мало кого допускала в свой ближний круг.

Невероятно светлая и позитивная Мара никогда не считала себя пригожей или лучше других. Наоборот, зная свойственные ей недостатки, относилась к себе с излишней строгостью и терзающим недовольством. А, если неосознанно вызывала внимание мужчин или замечала

их пристальные взгляды, осознавая завораживающе магическую силу, влекущую к ней, застенчиво отводила взор. Правда, с особо настойчивыми приходилось, сохраняя высокой планки гордую чистоту и уважая чувства другого, тактично и постепенно переводить возникавшую заинтересованность ею в плоскость дружеских отношений.

И вот сейчас Мара, вглядываясь в образ, запечатлённый на снимке, сразу даже не сообразила, чью внешность захотела рассмотреть пристальнее. Она впервые увидела и оценила истинную красоту своей естественности.

ОТКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ

Иларию совсем недавно приняли на должность заведующей архивом, расположенном в подвале одного областного управления с освещением электрическими лампочками в течение всего дня. Первым делом пришлось заниматься скинутыми на стол делами и проверять правильно ли всё расставлено на стеллажах. После этого появилось свободное время, которое позволило ей отлучаться из помещения без солнечного света для изучения, где и что располагалось на нескольких этажах здания. Так она узнала и о малогабаритной комнате художников, находящейся практически рядом с архивом.

Молодые люди приняли её доброжелательно, и она иногда заходила к ним, молча слушала разговоры о творчестве и о том, кто над чем работает. Они собирались то втроём, то четвером. Каждый раз кто-то из них уходил, а кто-то приходил попозже. Так однажды она увидела новое лицо.

Когда он появился, в комнатухе раздались радостные приветствия. Кто-то, из находящихся спросил:

– Ты на чём приехал?

– На такси.

Другой голос игриво произнёс:

– Миша, у тебя столько денег, что ты уже машину можешь купить.

Ответ последовал незамедлительно:

– У меня столько денег, что могу себе позволить ездить на такси.

Они побалагурили ещё немного. Затем поговорили, чем каждый на данный момент занят, и Михаил, оставив собратьев по творчеству, разместился напротив Иларию. Выяснив, как она попала в обитель художников, задал вопрос:

– Ты замужем?

– Разведена, – ответила она, улыбаясь.

– Из-за чего? – последовал следующий вопрос.

Илария, подумав, как коротко и объективно объяснить, изрекла:

– Да дурак он.

На неё сразу обрушилось негодование, адресованное ко всем женщинам, которые сами не знают, чего хотят, а мужчины из-за них страдают. Закончив пламенную речь обвинения, Михаил решил выяснить, почему всё-таки развелась она.

Вновь последовал диалог с вопросами и ответами. По окончании которого он узнал о её экс-супруге всё, что его интересовало. Она обрисовала его «портрет». А именно: кандидат в мастера спорта по боксу; преподавал в институте физической культуры, затем перешёл в среднюю школу; вечерами в кафе, а иногда в лучшем ресторане города, играл на саксофоне; в тридцать лет поступил получить образование в художественную школу.

Михаил, уточнив его имя, завершил эту беседу, неожиданно высказавшись, что он его знает. А заключительной фразой довёл собеседницу до лучезарной улыбки:

– Он такой дурак!

– Я тебе так и сказала!

ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сашка на вид был таким светло-русым простаком с неприметным голубоглазым лицом обычного телосложения и среднего роста. Словом, Иванушка из сказки, да и только. Жил, не тужил. А как подросток, новобранцем в армию служить отправился.

Верховные правители государства, границы которого он готовился от ворогов оберегать, посчитали, что политически оправданным станет, если в разных странах русским духом пахнёт. Вот и призвали Сашку в числе огромного войска защитить Родину, правда, со стороны южного соседа.

Кто свой, кто чужой толком не объяснили. И в среде стремящихся к свершению подвигов молодых бойцов, неинформированных о том, что происходит в той стране на самом деле, разразился самосуд над мирными гражданами сопредельного государства со зверствами и мародёрством, расстрелами ни в чём не повинных людей, включая детей малых и почтенных старцев, под защитой приказа: «Зачистка местности от моджахедов!» А получая за подобные «боевые действия» награды, с особой усердностью истребляли всех подряд жителей многострадальной земли, вызывая в свой адрес злую ненависть и ответную жестокость.

И в стране, что послала их на вопиющую, самоуничтожающую бойню, почти в каждом селе, небольшом посёлке, а в городах многократно, появлялась чёрная процессия с цинковым гробом и, торжественно демонстрируя весь ужас происходящего, проникала в души людей смутным чувством вины.

Сашке повезло. Но даже если у вернувшихся живыми не было шрамов на теле, то на сердце и психике остались бесконечно медленно затягивающиеся грубые рубцы, потому что они возвращались из кромешного ада, уготованного для них Родиной.

Дали чуток мирным воздухом подышать Сашке, да и вызвали в числе запасников на военные сборы...

А направили в самое пекло – пасть излучающего радиационную гибель реактора.

Среди сотен тысяч ликвидаторов на Чернобыльской атомной электростанции работали профессионалы и военнослужащие. Смелые, стойкие и отважные укрощали распространяющуюся по розе ветров смерть, не щадя себя. Но были и другие, борющиеся за личное выжива-

ние, а не за спасение всего живого от беспрепятственно проникающей во все щели невидимой пожирательницы-убийцы с красивым именем Радиация.

Сашке не было и сорока. Принимая происходящее как предназначенное, он не задумывался, сколько губительных рентген им получено. В этом возрасте мужчины, как правило, о чём-то мечтают и строят планы на будущее, не обращая внимания на здоровье. И он, несколько не озлобившийся, со светящейся глубочайшей добротой жил, тихо радуясь каждому дню.

Подходил к концу двадцатый век, а политики так и не научились, применяя опыт исторического прошлого, решать вопросы мирным путём...

Сашку вновь призвали на чужую войну, но уже в границах родного государства. И здесь, как и в афганском походе, показав неподготовленность и несостоятельность свою, военначальники загубили сотни и сотни солдат. Те же жёсткие правила действовали и на этой территории.

Уже много познавший и переживший Сашка, в чистой душе которого ещё теплился отсвет детства, однажды, будучи на пропускном пункте досмотра старшим, увидев легковую машину с чеченскими номерами, приказал её остановить.

Но водитель, увеличив скорость, кометой пролетел пост. Заметив в салоне семью с детьми, Сашка поступил так, как подсказывала ему совесть. Он сделал свой выбор и не отдал приказ: «Стрелять на поражение!»

О его поступке сразу доложили по инстанциям наверх. После чего лишили звания младшего офицера с разжалованием в солдаты. Однако он ни разу не пожалел, что спас двух маленьких детей и их родителей от произвола неспособных договориться политиков высших эшелонов власти по поводу статуса небольшой горной республики, входящей в состав огромного государства.

И эта война с её жестокой агрессией, приведшей к озлоблению людей противоборствующих сторон, для Сашки осталась в прошлом. Но, испив до дна чашу с горьким коктейлем из переживаний, страданий, раздражающих мозг и нутро мыслей, счастливымчиком он не был.

Уже давали о себе знать последствия радиоактивного заражения. Большинство из добросовестных ликвидаторов не доживали и до пятидесяти лет. И одним из них был открытый, дружелюбный, улыбчивый Сашка.

БЕЗДНА МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Зина, Зиночка, Зинуля... Девушка с большими карими глазами, в которых с раннего возраста читалась потаённая печаль скрытого предзнаменования, росла в интеллигентной семье, где прививались определённые правила поведения и дома, и в обществе. Искренняя и скромная, сдержанная и умная, на бессознательном уровне дающая себе отчёт, что в жизни серьёзно всё, она, сильный и устремлённый человек, обладала твёрдо намеченной шкалой ценностей.

Вроде бы благополучно складывалась и зрелая жизнь: высшее образование, любовь, семья, двое детей. Но предопределением судьбы для Зинаиды было обозначено чувствовать себя счастливой лишь краткий миг.

И совершенно не просто так природа отметила её духовной несгибаемостью перед невзгодами различного рода.

Первая страшная и невозполнимая утрата – смерть отца. Они, плоть от плоти и суть от сути, были добрыми друзьями, понимающими друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.